

Николай Вербицкий-Антиохов

**Повесть о том, как
в городе N основывалось
охотничье общество**

**Николай Андреевич Вербицкий-
Антиохов**

**Повесть о том, как в
городе N основывалось
охотничье общество**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22495507

Аннотация

«Двадцать седьмого сентября 18.. года произошло в некотором роде знаменательное событие: Петру Ивановичу Жабникову пришла в голову мысль. Из этого не следует выводить заключение, что мысль в голове Петра Ивановича была явлением исключительным, напротив, мысли приходили ему в голову даже, можно сказать, очень часто, и иногда даже совершенно нелепые, но мысль, возникшая двадцать седьмого сентября, была вызвана совсем особенными обстоятельствами и могла быть чреватою грядущими последствиями, тем более что возникла она в голове Жабникова немедленно по пробуждении его от сна, а такие мысли он всегда считал самыми плодотворными...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Николай Вербицкий- Антиохов

Повесть о том, как в городе N основывалось охотничье общество

I

Двадцать седьмого сентября 18.. года произошло в некотором роде знаменательное событие: Петру Ивановичу Жабникову пришла в голову мысль. Из этого не следует выводить заключение, что мысль в голове Петра Ивановича была явлением исключительным, напротив, мысли приходили ему в голову даже, можно сказать, очень часто, и иногда даже совершенно нелепые, но мысль, возникшая двадцать седьмого сентября, была вызвана совсем особенными обстоятельствами и могла быть чреватою грядущими последствиями, тем более что возникла она в голове Жабникова немедленно по пробуждении его от сна, а такие мысли он всегда считал самыми плодотворными.

Дело в том, что накануне, как раз в день Иоанна Богосло-

ва, Петр Иванович был на охоте: ездил стрелять вальдшнепов в излюбленные Косорыловские ссечки. Вальдшнепа он не только не застрелил, но и не нашел ни единого; напрасно его кофейно-пегий Траверс носился между кустами, ломая сучья в стремительном беге, – вальдшнепов не оказывалось, словно их там никогда и не было. Но зато вместо вальдшнепов Петр Иванович нашел в лесу шестерых гимназистов от двенадцати до пятнадцатилетнего возраста, двух чиновников почтово-телеграфного ведомства, трех служащих на железной дороге, трех купеческих племянников, двух голодных актеров, трагика и комика, двух свободных мыслителей, семерых разночинцев, одного помощника клубного повара и одного чиновника особых поручений.

Все это суетилось, бегало по лесу, чего-то искало и во что-то палило, и как палило. А меж кустами шныряли собаки различных мастей и наименований, вообще, это была картина, полная движения и жизни.

И эта картина с поразительною ясностью предстала пред духовными очами Петра Ивановича на другой день, как только он проснулся и, собираясь встать, занялся предварительным почесыванием порядком-таки утружденной поясницы.

А вслед за картиной вчерашнего дня пошли и другие воспоминания в том же роде.

Вспомнилось ему, что и восьмого, и двенадцатого, и четырнадцатого, и двадцатого сентября он с таким же успехом ездил за вальдшнепами, и везде, куда ни совался, встречал

такую же разношерстную и разнокалиберную толпу, слышал пальбу и одиночную, и залпами, находил разбитые бутылки, исстрелянные листы бумаги, обрывки гимназических фуражек, – одним словом, все, что угодно, кроме вальдшнепов.

Вспомнились ему и июльские, и августовские охоты, десяток убитых за все лето бекасов, тощих, как фараоновы коровы, столько же перепелов и коростелей да две утки, и с каждым новым воспоминанием все росло и росло волнение Петра Ивановича и дошло, наконец, до того, что, прекратив почесывание поясицы, он вскочил с постели, ударил кулаком по железной спинке кровати и воскликнул голосом рыкающего льва:

– Нет! Так нельзя!

Фигура Петра Ивановича в этот момент была великолепна: расстегнутый ворот рубашки обнажал волосатую грудь; одна рука упиралась в бок, другая крепко сжимала спинку кровати, над совершенно, можно сказать, девственной лысиной двумя гребнями вздымались из-за ушей начинавшие сесть волосики; правая бакенбарда плотно прилегла к щеке, левая же грозно топырилась, брови мрачно хмурились, глаза сверкали зловещим блеском, и он повторял:

– Нет! Так нельзя!.. Нельзя-с!.. Не-э-э-эт!

Вот тут-то и зародилась в голове его мысль, чреватая грядущими последствиями.

Но сперва несколько слов о Петре Ивановиче.

Петр Иванович был одним из крупных землевладельцев

Н-ского уезда и домовладельцем в городе N. Служебную карьеру совершал вначале в Петербурге в каком-то учреждении, где благоприобрел довольно значительный чин, солидную лысину и привык носить бакенбарды вразлет; по смерти же тетушки, оставившей ему большое наследство, бросил службу и переселился в N, где занялся абсолютным ничегонеделанием.

Как проходил свою службу Жабников и как добился значительного чина, было неразрешимой загадкой, ибо по натуре своей это был человек увлекающийся и в своих увлечениях неизменно доходивший до абсурда; форменная ли казенная обстановка его сдерживала или какие другие причины – господь ведает, только на службе он, говорят, отличался даже замечательной выдержкой; как только полученное наследство дозволило ему пораспуститься и забыть, что над его шеей сидит бдительное начальство, Петр Иванович распустился вовсю и всякая выдержка пошла к черту.

Сказавши, что Жабников занимался абсолютным ничегонеделанием, я выразился не совсем точно: он не состоял на государственной службе, не участвовал в земских выборах, не состоял попечителем учебных или иных благотворительных заведений, не занимался, наконец, хозяйством, вполне доверившись полячку-управителю, оказавшемуся сверх всякого чаяния честным малым, но ум Петра Ивановича находился постоянно в работе, и в нем то и дело зарождались новые идеи, с которыми Жабников возился и нянчился, как

кошка с котятами.

В области идей Петр Иванович был величайшим энциклопедистом: все сферы человеческой деятельности и знаний были ему равно доступны, от чистой математики до теории сапожного ремесла включительно, и если он не додумался до способа разведения махровых огурцов, то произошло это совершенно по независящим от него обстоятельствам.

Были у него, однако, идеи, нисколько не уступавшие идее махрового огурца. Так, однажды он додумался (и додумался совершенно самостоятельно, без всякого участия графа Л. Толстого) до брэнности человеческого естества и необходимости сближения с природою, почему несколько дней подряд не умывался, не чесался и пребывал весь осыпанный каким-то пухом.

Друзья говорили ему по этому поводу:

– Ты бы почистился иной раз, милый человек!

– А зачем?

– Противно смотреть!

– Удивляюсь! Ведь коли ты, например, созерцаешь гусиного младенца, покрытого пухом, для тебя сие зрелище не только не противно, но даже, можно сказать, умирительно!

– Ведь ты же не гусиный младенец!

– Хуже того! Во много раз плачевнее и жалостнее!

– Что плачевнее и жалостнее – это возможно, но...

– Чего «но»? Я живу сообразно с природою.

– Ну и ложь! Пойми, ты животное млекопитающее и как

такое имеешь все права на шерсть, но не на перья!

– А ведь верно! – ударил себя по лбу Петр Иванович. – Степан!

Появился Степан с немым вопросом в вытаращенных глазах.

– А вычисти-ка меня, братец!

Петр Иванович почистился и принял вид, свойственный культурному человеку.

В другой раз я застал Жабникова за изучением «Полного карманного путеводителя по железным дорогам»; он так был занят своим делом, что не услышал моего прихода и при-вскочил на месте, когда я удалил его по плечу.

– Тьфу! испугал! Порядочные люди всегда заявляют о своем присутствии.

– Я и заявил.

– Кто же так заявляет!

– А то как же?

– Ну, кашлянул бы или высморкался, или вообще, как между культурными людьми подобает!..

– Ладно, в следующий раз! А ты чем это занимаешься?

– Чем?.. Маршрут изучаю.

– Какой еще маршрут?

– В Пруссию, брат, ехать надо.

– Это зачем?

– Во-первых, ружье Кристофу Функу заказать, во-вторых, выучиться стрелять по правилам, преподаваемым в одном

прусском лесничестве... И тогда, мой друг, прямо на все международные состязания!..

– Вишь чего захотел!

– Отчего же?! Разве я не могу выучиться?

– В прусском лесничестве?! Ни во веки веков!

– Да ведь господин фон Г. выучился!

– Во-первых, ты не господин фон Г.; во-вторых, господин фон Г. обучался в молодых своих летах, а ты уже, слава богу, дожил до предела закоснелости; в-третьих, господин фон Г., по всем видимостям, – немец, а ты, сколько известно, если не из самого Царевококшайска, то по меньшей мере из окрестностей оного.

– Что же из этого?

– А то из этого, что прусское лесничество, обучившее господина фон Г. и преподавшее ему настоящие правила, тебе никогда оных не преподаст; напротив того, так обучит, что ты не токмо зайцу в голову не попадешь, но и по хвосту оного благополучно пропуделяешь.

– Гм... А ведь, пожалуй, ты и прав.

– Конечно, прав.

– Прав, прав, сам теперь вижу, что прав... Немцы вообще народ ненадежный, а теперь, кроме того, сближение с Францией... нарочно не выучат.

– Ну, вот видишь.

– Да-с. Теперь я и насчет Кристофа Функа сомневаюсь: деньги слупит настоящие, а такую палилку пришлет – из-за

угла разве палить... И будет прав по-своему, потому – сближение с Францией.

– Отчего ты англичанам не закажешь? Деньги ведь тебе все равно швырять... По крайности вещь будет солидная.

– Англичан я, брат, не терплю. С того самого момента, как меня в детстве гувернантка-англичанка собственноручно высекла, я их переносить не могу.

– Причина резонная.

– Понятно, резонная. Впечатления детства на век остаются, у меня и теперь при воспоминании соответственные части тела чешутся, вот как!

– Однако ты очень впечатлителен.

– И не говори! Однако кому ружье заказать?

– Французам закажи: теперь сближение, так оно как раз кстати.

– Кстати-то кстати, это я и сам понимаю, да у них там путаница какая-то: в Сент-Этьене, говорят, надувало на надувале сидит, Галанд тоже... их и на выставку не пустили... Форе-Лепаж я сам видал в деле – так себе ружьишки... Впрочем, об этом вопросе я еще подумаю.

– А в Пруссию поедешь?

– Ни за какие коврижки! Пропади она пропадом!

И Жабников с некоторым даже озлоблением швырнул в угол «Карманный путеводитель».

Из этих примеров явствует, между прочим, и то, какую настойчивостью в преследовании своей мысли обладал Петр

Иванович. В своем неизменном движении вперед он не знал удержу и отступал лишь тогда, когда доводы contra отличались уж совсем подавляющею логикою. Притом же, как выше сказано, он был быстр и скоропалителен; эта скоропалительность во всей своей силе проявилась и утром 27 сентября.

Жабников, в рубашке, вздев на одну ногу туфлю и позабыв надеть другую принадлежность того же рода, немывтый и нечесаный, устремился из спальни в кабинет, присел за письменным столом и через несколько минут изготовил такой проект окружного послания:

«М. г., знаю, что Вы, как страстный и опытный охотник, вполне сочувствуете процветанию в нашем отечестве этой благородной забавы; знаю, а посему и обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой пожаловать ко мне 6-го предстоящего октября, вечером в 8 часов для обсуждения вопроса об учреждении у нас в N общества охоты, проект устава которого будет мною к тому времени изготовлен. Вопрос назрел, м. г., и я вполне верю, что Вы это чувствуете так же, как и я, как и все, для кого слово „охотник“ не пустое слово; позволяю себе надеяться, что в образовании нашего общества Вы примете живое участие не только как член оною, вносящий известную плату и пользующийся в силу этого соответственными правами, но и как человек ума и мысли, помогающий развитию общего дела субъективно с объективной стороны исследованием вопроса и путем здравой, разумной и всесторонней критики способствующий более подробной и совер-

шенной выработке нашего устава. Смею прибавить, что после заседания желающие составить партию в винт найдут у меня все необходимые для того приспособления».

На этом Петр Иванович остановился. Ему, с одной стороны, очень хотелось еще приплесть сюда, что он за честь себе поставить накормить гг. будущих членов ужином, а с другой, мелькала мысль: а вдруг их привалит целая орава, где я тогда и посуду-то возьму?

По зрелом обсуждении он решил об ужине не упоминать, на всякий же случай положил приобрести фунт кровяной колбасы, пару керченских селедок да коробку сардинок, водка в надлежащем количестве предполагалась сама собою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.